

Радость первых шагов

Детскому ортопедическому институту имени Г. И. Турнера подарили уникальный роботизированный комплекс

Сергей Теплов
Фото: Александр Ботков

Умный робот учит юных пациентов ходить — даже тех, кто вообще не умел и не мог. Говоря медицинским языком, формирует и закрепляет физиологический стереотип правильной походки. Полное название робота — автоматизированный реабилитационный комплекс для восстановления навыков ходьбы. Сокращенное — Lokomat. Бегущих дорожек для инвалидов выпускается много, но этот аппарат швейцарской фирмы Носома, который врачи уже называют «великим приобретением института», не имеет равных по уровню автоматизации процесса.

Все как у космонавтов

Это совсем не больно и даже интересно. Малыша фиксируют в аппарате, похожем на тренажер для летчиков или космонавтов, с помощью пояса и прикрепленных к перилам эластичных ремней. Чем-то эта система подвесок напоминает стропы парашюта. Наш космонавт висит над бегущей дорожкой. Его ноги вставляются в облегающие футляры — ортезы, которые и задают траекторию и ритм шагов. Происходит имитация ходьбы — сначала в воздухе. Кому-то ходить еще нельзя — например, после операции на ахилловых сухожилиях — имитацией до поры и ограничиваются, чтобы закрепить навык. Кого-то понемногу ставят на дорожку, предварительно подобрав ее скорость, и виртуальные шаги обретают реальность.

В числе первых «космонавтов» был 10-летний петербуржец Леша Правдинский, который до операции по поводу детского церебрального паралича никогда не ходил — мышцы одеревенели и отказывались служить. Хирурги расслабили это парализующее напряжение в ногах, и мальчик зашагал — сначала на дорожке, а теперь и по коридору передвигается с «крабами» — вспомогательными ортопедическими приспособлениями.

После него на тренажере занималась шестилетняя Танечка Козина из Пензы, также страдающая ДЦП. В клинике она к тому времени была уже полтора месяца. Для нее это был первый сеанс, и удачный: за 13 минут пройдено более сотни метров. Для ее мамы — лучик надежды.

Все познается в сравнении. Привычная картина: мама или медсестра буквально тащат ребенка с ДЦП по коридору — для всех это превращается в пытку. А тут ему нравится парить в воздухе, постепенно опуская ноги на дорожку, и шаги легче даются, потому что замечательная система подвесок создает эффект невесомости. Она позволяет уменьшить вес ребенка, а значит и нагрузку на ноги, до нужной величины, которая рассчитывается компьютером, и затем постепенно ее увеличивать.

Не менее замечательна система защиты от непредвиденных случайностей. У нее несколько степеней. Предполагается, что во время тренировки ребенок находится под неотлучным наблюдением. На груди врача пейджер, который каждые три минуты издает сигнал. И если врач в ответ не нажал кнопку, значит, он отвлекся — Lokomat отключается. Сам юный пациент, почувствовав дискомфорт, тоже может остановить аппарат — достаточно хлопнуть ладошкой по одной из размещенных на перилах широких красных кнопок.

— Главное для ребенка после ортопедической операции — начать ходить, — говорит врач-невролог, старший

Благотворители

научный сотрудник института Галина Александровна Икоева. — Если начнет, то уже не остановится, — мы не позволим. Но большинство наших пациентов с рождения не ходили, их приносят к нам в лежачем положении. Поэтому для них благо — начать ходить именно в этом аппарате. Он учит делать это правильно, укрепляет ноги, улучшает их функциональное состояние.

Обратная связь действует!

Суть метода: «Повторение — мать движения». Успех достигается лишь путем многократных тренировок. Минимальный курс лечения — десять процедур, длительность которых возрастает каждый день и достигает часа, не включая подгонку «костюма». При этом упражнения на комплексе хорошо сочетаются с другими двигательными, физиотерапевтическими, лекарственными методиками. Ограничение лишь по возрасту — к тренировкам допускаются детишки, начиная с трех лет, с которыми уже можно наладить контакт.

Достоинство метода — наглядность. На одном мониторе контролируются параметры движения: скорость, расстояние и время. Другой предназначен для обратной связи с ребенком. Движение ног отображают желтая и красная линии. Доктор говорит: «Давай поможем машине!» — юный пациент старательно шагает, и графики ползут вверх. Ребенок воочию видит результат своих усилий. А вот на мониторе появляется рожица с точкой-ротиком. Чем лучше работает ребенок, тем шире ротик растягивается в улыбке. Глядя на нее, и сам пациент начинает улыбаться.

Раз тренировки проходят непринужденно, с элементами игры, то и лечебный эффект возрастает. Пребывание в больнице после операции сокращается до минимума. Умный робот снижает нагрузку не только на неокрепшие ноги ребят,

но и на медицинский персонал, освобождая его от тяжелого физического труда. Продолжая авиационно-космические аналогии, это все равно, что с ручного управления перейти на автопилот. Считается, что Lokomat заменяет двух сотрудников реабилитационного блока.

В стране лишь несколько таких установок, и все они — для взрослых. Первый и пока единственный детский комплекс (Lokomat Pediatric) появился именно здесь, в институте имени Г. И. Турнера, а первопроходцам всегда непросто. Под присмотром инструктора швейцарской фирмы медики опробовали аппарат, в том числе на себе. Тщательный двухдневный тренинг завершился тестированием персонала и выдачей разрешения на работу.

На первых порах пациента опекают врач и две медсестры плюс, конечно, мама. В дальнейшем справится и медсестра, но курс занятий и оптимальный режим тренировок, «посоветовавшись» с компьютером, назначит врач.

Танечка и Lokomat.
В ожидании чуда

Надежда Савинская и Вадим Левин –
поистине виновники торжества

— Это будет рутинная методика, которая принесет много пользы нашим больным, — сказал директор института профессор Алексей Баиндурашвили и тут же уточнил: — Уже приносит.

Звонок другу

Как же Lokomat оказался в Царском Селе? Об этом рассказал сам Алексей Георгиевич Баиндурашвили. В один прекрасный день его познакомили со специалистом, который занимается поставками хайтековского медицинского оборудования в Россию. «А как вам такой аппарат?» — спросил тот и показал компакт-диск. Просмотрев запись, профессор сильно разволновался. Дорожка с плавно регулируемой

скоростью, видеосистема, программное обеспечение для анализа движений, датчики для измерения подвижности в коленном и тазобедренном суставах. Предусмотрено все, включая приспособление для въезда на тренажер инвалидных колясок. «То что надо для реабилитации пациентов нашего профиля», — подумал Алексей Георгиевич. «Наш профиль» в данном случае — это травмы головного и спинного мозга, ДЦП и прочие неврологические недуги, связанные с нарушением подвижности.

Но услышав цену — 500 тысяч евро, Баиндурашвили сразу успокоился. Не от безысходности, а от необходимости сосредоточиться, чтобы решить непростую задачу на стыке медицины и финансов. Если собирать эту сумму по крохам, решение затянется на годы, аппарат же нужен сейчас. Но у Баиндурашвили есть в запасе «звонок другу» — начальнику главного управления Центрального Банка России по Санкт-Петербургу Надежде Савинской. Выслушав профессора, Надежда Алексеевна обещала что-нибудь придумать. Она рекомендовала ему обратиться за помощью в банк ВТБ, конкретно — к первому заместителю президента — председателя правления Вадиму Левину, и провела «подготовительную работу». Левин не только подключил структуры банка, но и согласился помочь из личных средств. Дар был сделан через благотворительный фонд «Маленькая страна», что позволило избежать волокиты с переводом платежа.

— Все гениальное просто, — заключил эту историю профессор, но решил развить свою мысль: — Если у человека есть внутренняя потребность творить добро, он так и поступает. Человек, такой потребности не имеющий, ссылается на глобальный кризис, рецессию, дефолт, солнечное затмение, плохое настроение и прочие объективные причины.

Выездная сессия банкиров

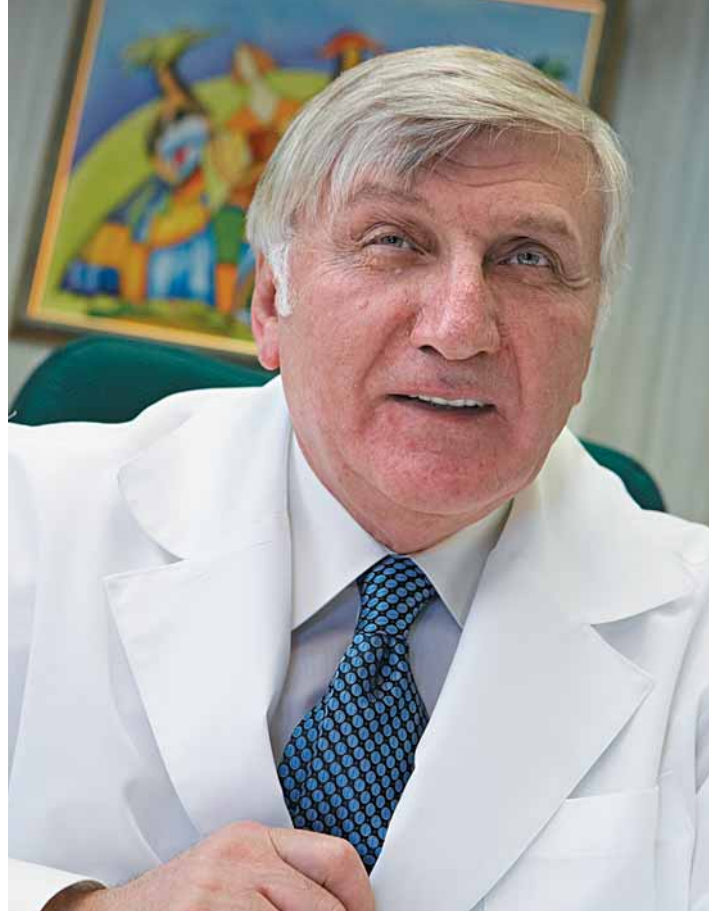
Для комплекса отвели просторное помещение с большими окнами, выходящими в парк. Скоро оно превратится в игровую комнату. Появятся мультики, игры, телевизор. Фонд знаменитой оперной певицы Анны Нетребко, уже помогавшей институту с покупкой оборудования, подарил видеоролики, создающие благоприятный фон для лечения.

Отметим, что кабинет, где установлен тренажер, как и все поликлиническое отделение, отремонтирован на средства постоянного партнера турнеровцев – Северо-Западного банка Сбербанка России.

Это не первый пример сотрудничества института с банковским сообществом. Три года назад члены Ассоциации банков Северо-Запада профинансировали капитальный ремонт пребывавшего в аварийном состоянии больничного пищеблока. Петербургский городской банк перечислил средства на противопожарную сигнализацию. Ныне Санкт-Петербургский индустриальный банк (СИАБ), несмотря на кризис, намерен построить маленький цех (как шутит профессор, «свечной заводик») по изготовлению металлических конструкций для лечения детей с травмами и ортопедическими заболеваниями. Это избавит медиков от необходимости покупать дорогостоящие инструменты и оборудование за границей.

Не случайно после церемонии открытия отделения в медицинском институте состоялось – небывалый случай! – выездное заседание банковской ассоциации. Хотя было оно закрытым, можно догадаться, что банкиры говорили не только о финансовых проблемах, но и о дальнейшем оказании помощи институту.

Не успел тренажер выйти в «штатный режим», а к нему уже очередь, родители привозят лежачих детишек, поступают запросы на амбулаторное лечение из других больниц.

Даже при двусменном графике через чудесный кабинет можно пропустить максимум 12 пациентов в день – для клиники федерального значения это почти ничто. На Западе в каждом крупном городе есть детский Lokomat. У нас – один на страну.

Профессор Баиндурашвили – максималист. Он считает, что в институте должно быть ДВА таких комплекса. Если шагать, то в ногу со временем. На недавнем симпозиуме в Швейцарии, организованном фирмой Носома, зарубежные коллеги рассказывали: оптимальный курс лечения на этих тренажерах составляет от двух до шести недель, а для обратной связи применяются приставки нового поколения с набором видеофильмов-симуляторов, главным героем которых становится юный пациент. Значит, и у нас должно быть так. Да – дорого, да – кризис, но принцип «Лучшее – детям», кажется, никто не отменял.

Алексей Баиндурашвили удостоен специальной премии «Первого канала», которая вручается лучшим врачам России. – «Призвание»

Обязанность богатых — помогать

Ключевую роль в приобретении уникального тренажера для Института имени Г. И. Турнера сыграл первый заместитель президента — председателя правления Банка ВТБ Вадим ЛЕВИН

— Вадим Олегович, когда после церемонии в институтской клинике вы увидели ребенка, который учится ходить с помощью подаренного банком тренажера,

важность момента почувствовали?

— Да, конечно. Потому что принимаемая решение о помощи институту, я не представлял, насколько это

сложная техника. Я полагаюсь на рекомендацию Надежды Алексеевны Савинской — она увлекла меня этим проектом. У нее отношение к этому институту особое. Меня долго убеждать не пришлось, я тридцать лет жил в Пушкине. А через полгода познакомился с директором института, который оказался очень обаятельным и увлеченным человеком, настоящим подвижником.

Я понял, что деньги точно пойдут по назначению, а не как это бывает иногда в благотворительных фондах. Особенно приятно, что мы помогли приобрести оборудование, аналогов которого в стране, по сути, не было. В этой программе поучаствовали и головной ВТБ, и наш дочерний банк ВТБ Санкт-Петербурга, и я как физическое лицо. Не только финансист, но и отец троих детей...

— А такие моменты в жизни финансиста часто бывают?

— В моей жизни — часто. Могу вспомнить, как в течение нескольких лет я помогал своему товарищу, попавшему в автомобильную катастрофу. Он не был особенно близким другом, но его судьба захватила меня. У него были множественные переломы обеих ног, он делал операции в России — к сожалению, неудачно. Пришлось госпитализировать в Германию, где его буквально поставили на ноги. И вот он со слезами на глазах приехал благодарить меня за то, что остался нормальным человеком. Считаю, когда есть возможность, надо помогать — по любым поводам.

— Как вы вообще относитесь к тому, что бед и несчастий вокруг много, распределены они неравномерно, и к вашему банку обращено слишком много взглядов, полных надежды и ожидания помощи?

— С философским спокойствием относиться к этому сложно.

Земные блага тоже распределены несправедливо, неравномерно, поэтому обязанность богатых — в меру сил оказывать помощь тем, кто нуждается.

Чаще всего эта помощь обращена на людей более близких, но мы стараемся расширить ее круг. У банка есть несколько программ, в основном адресованных детям. Одна из них называется «Мир без слез» — в ее рамках и были выделены средства институту имени Г. И. Турнера. Другая — программа помощи в приобретении оборудования для детских онкологических центров.

Хотя у нас тоже существуют ограничения, ВТБ теперь публичный банк, действует наблюдательный совет, куда входят независимые члены. Благотворительность не всегда оценивается адекватно, ведь она съедает средства акционеров. Поэтому таким проектам предшествует достаточно сложная корпоративная работа. В этом смысле было проще, когда мы являлись на сто процентов государственным банком. Сейчас каждое решение надо мотивировать, обосновывать. Но в большинстве случаев это удается.

— Каковы механизмы контроля эффективности вашей помощи?

— У ВТБ нет своего благотворительного фонда, но когда банк оказывает организациям социальной сферы значительную поддержку, наши представители входят в их попечительские советы. В данном случае гарантом была Надежда Алексеевна Савинская, которую я знаю много лет, с тех пор как начинал профессиональную карьеру в родном городе. Если она занимается конкретным делом, все будет адресно и эффективно. Она целевого использования средств не допустит.

— Чудо-тренажер — это ведь не первый пример помощи

банковского сообщества институту имени Тюрнера. Сначала был капремонт аварийного пищеблока, при котором содействие оказывала Ассоциация банков Северо-Запада. Но для вас та ситуация складывалась нестандартно...

— Нестандартность состояла в том, что я участвовал в программе как физическое лицо. Когда мне позвонили и объяснили суть проблемы, я просто спросил: «А сколько?» Мне назвали сумму. Я ее перечислил.

— Банк ВТБ после покупки Промстройбанка прочно обосновался в культурной столице. Как сочетается финансовая активность с поддержкой культурных начинаний?

— Много определяется личностью губернатора. Валентина Ивановна Матвиенко обладает редкой способностью вовлечь деловую элиту в городские проекты, имеющие культурно-историческую ценность. Важно, что руководитель нашего банка Андрей Леонидович Костин в хорошем контакте с ней, поскольку у нас с городом много взаимных интересов. Начнем с того, что ВТБ — одна из первых московских организаций, зарегистрированных в Петербурге. Банковские учреждения платят налоги специфическим образом — не только по месту регистрации, тем не менее свою лепту в городской бюджет мы вносим. Наш стратегический партнер — Санкт-Петербургский университет. ВТБ является генеральным спонсором Мариинского театра. Замечу, что наш руководитель давно дружит с Валерием Абисаловичем Гергиевым. Наконец, культурная составляющая ярко выражена в проекте «Набережная Европы», включающем строительство театра Бориса Эйфмана. Я с ним

знаком, по-моему, он гениальный балетмейстер, потрясающе интересный собеседник и фанат своего дела, каких поискать. Недавно состоялась премьера его балета «ОНЕГИНЪ.Online», на которой мне не удалось побывать, но я участвовал в постановке — опять же как финансист.

— Как будет продвигаться проект «Набережная Европы» после подведения итогов архитектурного конкурса?

— В конкурсе победил альянс — совместный проект архитектора с европейским именем и петербургской мастерской. Как показывает практика, это лучшее сочетание. Но профессиональный и общественный контроль необходим. Набережная формируется в сердцевине исторического центра. Это открыточный фасад. Нельзя там построить абы что, петербургский стиль должен читаться не только в ансамбле, но и в каждом отдельно взятом доме. К тому же у Бориса Эйфмана появятся особые пожелания, связанные с театральным зданием. Экономике с культурой будет не просто соединить, особенно в условиях кризиса. Тем не менее процесс идет и подвижки налицо. Мы уже купили офисное здание для ГИПХа — там 12 тысяч метров. Сложнее оценить затраты, связанные с заменой грунта, пропитанного ракетным топливом. Но сейчас, насколько я знаю, закончилась экспертиза, показавшая, что все значительно лучше, чем ожидалось. Думаю, через 2–2,5 года мы выйдем на площадку — строить.

— Банк ВТБ уже третий в вашей карьере. Стратегия благотворительности этих финансовых институтов чем-то принципиально отличается?

— Я работал в петербургском филиале московского банка

«Империал», после него во Внешэкономбанке, куда меня пригласил нынешний министр финансов Алексей Леонидович Кудрин (мы в давних дружеских отношениях), и потом перешел в ВТБ. Всего три банка, но банковский стаж приличный — уже 15 лет.

Так вот, у двух последних — колоссальная разница с банком «Империал», абсолютно частным. Он был, конечно, более прижимист. Между Внешэкономбанком и ВТБ разница не очень большая (кстати, мы вместе поддерживаем театр-студию Петра Фоменко), потому что команда первого во главе с руководителем перешла во второй. А руководитель и общую стратегию формирует, и благотворительную.

— Значит, сейчас раздаете государственные деньги щедрой рукой?

— Да, государственные, но благотворительная помощь оказывается из прибыли, после уплаты всех налогов. И с разрешения государства. У нас председатель наблюдательного совета — Алексей Леонидович Кудрин. Мимо совета, без его одобрения ни одна копейка не проскочит. Хочу еще раз подчеркнуть: государство не на откуп нам дало решение этих вопросов, а утверждает благотворительный бюджет постатейно.

— Как полагаете, насколько отразится кризис на социально ориентированных программах банков?

— Надеюсь, что не очень сильно. Сейчас механизмы финансирования социалки напряжены,

пружины их сжаты бюджетом.

Для внесения в бюджет поправки должны пройти четыре чтения в Думе, «влет» их не провести. Как ни странно, проще профинансировать проект через государственный банк. В принципе, это альтернативный вариант не только для благотворительных, но и для культурных, спортивных проектов. Довольно часто они реализуются через ВТБ именно по этой причине. В любом случае деньги государственные, просто у государства есть разные механизмы их использования.

— Можно ли рассчитывать, что, занимаясь традиционными проектами, вы откликнетесь на оперативный запрос или письмо «рядового человека»?

— Можно. Так не раз бывало.

Но только не за счет долгосрочных программ, таких как программа помощи онкологическим больным. В ее рамках в Россию ежегодно поступают сложное дорогостоящее оборудование и медикаменты.

— А наведаться в Институт имени Тюрнера, посмотреть, как работает тренажер, не планируете?

— Скорее всего, ближе к лету. Все-таки часто бываю в Петербурге, здесь живут мои близкие и друзья, правда, вырваться удастся лишь на выходные. И наверняка посещение института не будет визитом вежливости. Мы уже обсуждали с его директором потребности медицинского учреждения, но прежде всего надо оплатить второй транш по тренажеру. Останавливаться на полпути нельзя.

Тренажер действует. Сотрудничество будет продолжено

Я понял, что деньги точно пойдут по назначению... Особенно приятно, что мы помогли приобрести оборудование, аналогов которого в стране, по сути, не было